

Татьяна Андрианова

**ЭЛФЫ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДЯТ
ЗА ЧТО НЕ БЕРУТСЯ ДАЖЕ ДЖИННЫ
АДСКИЕ ПОИСКИ**

**БЕЗОБИДНОЕ ХОББИ
ТАНЕЦ С НЕЖИТЬЮ**

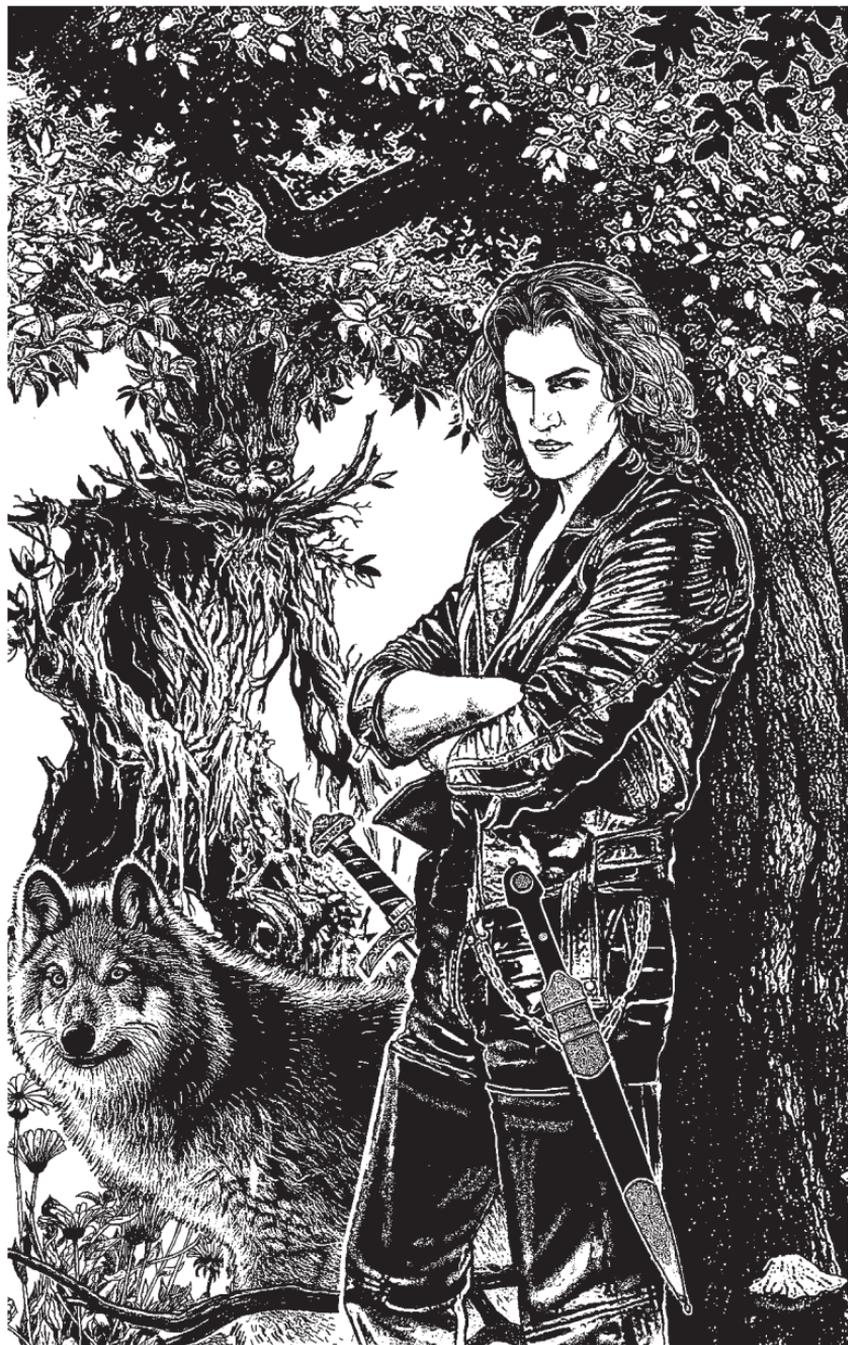

**ХРЕНОДЕРСКИЙ ПЕРЕПОЛОХ
И ГРЯНУЛ В ХРЕНОДЕРКАХ ГРОМ...
КАК ВЫВЕСТИ ВЕДЬМАКОВ**

Трилогия
«ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ВЕДЬМА!»

**ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ВЕДЬМА!
ЭЛЬФ ВЕДЬМЕ НЕ ТОВАРИЩ
ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ЭЛЬФА**

Татьяна Андрианова

Как вывести ведьмаков

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А65

Художник
В. Успенская

Андрианова Т.

А65 Как вывести ведьмаков: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 282 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2282-1

Боевая тройка ведьмаков приехала в Хренодерки. Явились они по нечистую душу вампира, умудрившегося покинуть замок-тюрьму Сартакль и теперь проживавшего в Безымянном лесу. Хренодерчане, только что пережившие бурную непогоду (самими же и вызванную), в очередной раз убедились, что ведьма им не просто нужна, а жизненно необходима, и тут же заподозрили приезжих в желании эту самую ведьму извести. Не допустить этого стало первоочередной задачей всех, включая лешего, который решил закрыть лес от супостатов, но поздно... Просочились вездесущие ведьмаки в Безымянный, рассредоточились по нему в разные стороны. И надо бы их из лесу вывести, пока чего не натворили, но как? Вот в чем вопрос.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Татьяна Андрианова, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2282-1

ПРОЛОГ

Алишер устало прислонился к стволу могучего дуба. Судя по объёму ствола, исполин рос в Безымянном лесу не одну сотню лет. Если бы кто-то сказал, что дуб справил свое тысячелетие, ведьмак ничуть бы не удивился.

Ему до дрожи в коленях хотелось сползти вниз по шершавой коре и дать хотя бы короткий отдых натруженным ногам, но Алишер диким усилием воли не позволил себе расслабиться. Знал: стоит присесть хотя бы на минуту — и уже не сможет подняться на ноги вновь. Оно, конечно, неплохо бы поспать, тем более смежить веки хотелось до рези в глазах. Но ведьмак печенкой чуял — Безымянный лес застался в ожидании, пока пришелец расслабится, чтобы заботливо помочь ему кануть в небытие.

Безымянный лес имел заслуженную репутацию мрачного негостеприимного места, куда не так уж просто попасть (учитывая тот факт, что придется ехать в непроходимую глухомань в самом отдаленном уголке Рансильвании), но еще сложнее из него выйти целым и хотя бы относительно невредимым. На это способны только местные, а ведьмак местным не был.

Алишер с усилием перевел дух, вспоминая, как несколько дней назад во главе боевой тройки ведьмаков въехал в деревеньку со странным названием Хренодерки. С самого начала задания, неожиданно полученного от главы совета магов Нилрема, судьба кормила ведьмаков неприятностями дозированно, но щедро.

В целом Хренодерки вполне отвечали представлениям столичных жителей о глубокой провинции. Каменных до-

мов не было, улицы не только не мостились, но даже деревянный настил отсутствовал, и после недавнего ливня грязь стояла непролазная. Ведьмаки быстро отловили местного мальчишку, торжественно назначили его проводником и, посулив небольшую мзду в виде половинки медной монетки, попросили проводить к дому головы. С этим особым проблем не возникло. Высокий рубленый дом головы шеголял резными ставнями и следами недавнего пожара. Прямо посередине двора зачем-то вырыли огромную яму, в которой грязно блестела дождевая вода. То тут, то там лежали штабеля хрена, чьи могучие корни ведьмаки сначала ошибочно приняли за бревнышки, но нос еще никого не подводил — это был именно хрен. Неподалеку виднелись обгорелые развалины надворных построек. То, что раньше было сараем, представляло собой кучу головешек.

— А ребята неплохо погуляли, — хрипло молвил Риттер, оценив размах царившего вокруг погрома, и улыбнулся, отчего шрам, змеившийся через всю щеку, выделился еще отчетливее.

Из будки деловито вылез здоровенный кобель и исполнил свой долг, грозно облаяв пришельцев. Сильно, правда, не усердствовал, чтобы видели: ничего личного — должность у него такая.

Ведьмаки не обиделись (по роду службы встречали они приемы и похуже), спешились, бросив поводья на шеи лошадей. Знали: приученные к хозяевам кони не бросят, не уйдут далеко, а если увлекутся свежей зеленью, то сразу вернуться, услышав призывный свист.

Голова Хренодерок, могучий мужчина с роскошными усами, облаченный в чистую косоворотку, внушительно восседал во главе накрытого к завтраку стола. Три дочери споро подавали кое-что по мелочи. Помимо семейства здесь же неожиданно обнаружили пропавший (со слов главы совета магов Нилрема) боевой маг Флоднег, его нескладный ученик Намурас, магистр Вешил, знакомый ведьмаку Миксаму, и еще один маг полуэльфийской наруж-

ности. Ассортимент для провинции столь же большой, сколь и необычный.

Если до этого момента для тройки ведьмаков все складывалось вполне удачно, то далее все пошло наперекосяк, будто сглазил кто. Появилась хозяйка дома и обрадовалась пришедшим так, словно сама лично давно зазывала их в гости, а они все не шли. Ведьмаки немного удивились подобному радушию, обычно их особо не жаловали, но напрыгаться не стали. А зря. Сначала куда-то убежала старшая дочка головы. За ней журавлиным клином потянулись маги и ученик. Голова же весь завтрак провел так, словно второпях сел на ежа, и опрометью выскочил из-за стола, лишь только представился случай. Памятуя, как все, кто был в доме, быстро исчезли в неизвестном направлении, Алишер успел заступить дорогу хозяину дома и, невзирая на грозное сопение мужчины, с милой улыбкой на лице любезно попросил провести тройку к местному жрецу. Голова окинул взглядом ведьмака, затянутого в черную, местами ошестинившуюся серебряными шипами кожу. Прикинул шансы в кулачном бою, понял, что проиграет, даже только подумав об этом (да и связываться с ведьмаками — себе дороже), потому коротко кивнул и повел.

Правда, сам голова до нужного места так и не дошел. Ткнул указующим перстом в сторону изрядно обветшавшей маковки храма и с чувством выполненного долга исчез в гостеприимных дверях местного кабака.

— А запасы нам тоже неплохо бы пополнить, — многозначительно хмыкнул Миксам (третий в тройке), чьи белые волосы трепал весенний ветер.

Миксам родился альбиносом. Все в его семье достигали высоких ступеней в изучении магического искусства, и родные не пожелали терпеть практически лишенного магического дара ребенка. Они решили избавиться от нежеланного отпрыска, отдав его слуге. Слуга, не особо раздумывая, подбросил мальчишку как беспородного щенка к чужим дверям — к воротам замка, где обучали будущих ведьмаков. Миксам благополучно пережил трансформацию

и даже обнаружил в себе дар в распознавании магии, что при его роде занятий было не лишним.

— Ценю твою наблюдательность, но для запасов еще не время. Сначала к жрецу, — жестко отрезал Алишер, который в глубине души и сам не очень-то рвался повидать служителя Всевышнего.

Так сложилось, что жрецы не жаловали магов вообще, а ведьмаков считали мерзостью, зря топчущей землю, и в лучшем случае призывали паству гнать противных Всевышнему существ взащей. Алишер не стал бы испытывать судьбу, если бы не святая вода, которую желательно получить из рук служителя, так как предстояла охота на настоящего вампира. При истреблении обычной нежити ведьмакам благословение жрецов нужно как мертвому припарка, но в этом конкретном случае дело предстояло иметь с видом, считавшимся давно истребленным, а потому на что вампир способен, заранее известно не было. Тем более что он умудрился благополучно сбежать из замка-тюрьмы Сартакля, а такое за время существования хорошо укрепленного узилища случилось впервые. На поиски беглеца был отправлен боевой маг Флоднэг в компании вервольфа Люто-го и бесследно сгинул в чаще Безымянного леса. По крайней мере, так считали, пока Алишер не приехал в Хренодерки и не встретил мага за столом головы, немного похудевшего, но живого и даже в компании ученика.

К удивлению Алишера, храм стоял не только пустой, но и закрытый. Судя по всему, у Всевышнего сегодня был выходной. Ничуть не смущенный этим обстоятельством, Риттер спешился и принялся стучать в дверь. Чуть не снес своим мощным энтузиазмом створы, но привлек внимание только матерого кошака, который вынырнул из дупла ближайшего дуба и нагло воззрелся на ведьмаков.

— Забавно. Никого нет, — констатировал факт Риттер.

— А ты во-о-он в ту дверку постучи. Наверняка там жрец и обитает, — ткнул пальцем в перчатке более догадливый Миксам в дверь скромного жилища жреца Гонория.

Риттер спорить не стал и перенес свое внимание на другое изделие местного плотника. Результат не заставил себя ждать. Дверь распахнулась, и оттуда неприветливо выглянула русоволосая девица, недобро сощурилась и недовольно поинтересовалась:

— Чего стучим, рожа твоя бандитская? Чего добрых людей зря беспокоим?

— И тебе здравствовать, красавица! — жизнерадостно поздоровался ведьмак, не приученный воевать с женщинами. Если, конечно, нужда не заставит.

Прислужница жреца от неожиданной вежливости слегка оторопела и даже порозовела от удовольствия.

— Ладно. Раз все равно не сплю, не гнать же вас, не выслушав, — смиловилась она. — Рассказывайте, зачем пришли. Только... жрец того... ушел куда-то. Вот, записку оставил. — В доказательство своих слов Марыська (а это была именно она) помахала перед носом Риттера клочком бумаги. — Меня хоть и учили грамоте, только почерк жреца больно неразборчив, буквицы друг на дружку набегают да цепляются не пойми где — не разберу я, что тут написано.

То, что девица беззастенчиво врала, Риттер понял сразу по хитрому выражению ее лица и не менее хитрым, бегающим глазам. Убедился он в верности своей догадки, как только получил бумажку в руки. Почерк у жреца был на диво разборчив, по-детски крупные буквы не понять мог только слепой. Впрочем, Риттер раз пять прочел содержание записки, не веря собственным глазам. Несколько раз сморгнул, но слова от этого не изменились.

— Что-то не так? — поинтересовался Алишер, которому быстро надоело наблюдать, как ведьмак с удивленным видом тарашится на текст, будто поднял с земли палку, а она на него зашипела.

— Да все не так, — хмыкнул Риттер. — Все это село — просто какое-то сборище язычников, еретиков и мракобесов.

— Сам ты бес! — возмущенно фыркнула Марыська, выцарапала из пальцев Риттера записку и с чувством хлопнула дверью, чуть не приложив замешкавшегося приезжего по лбу.

— Откуда такие выводы? — тут же спросил Миксам, которого живо интересовали все магические проявления нежити. Он бережно хранил в памяти множество различных отпечатков магического фона и мог с легкостью распознать не менее двадцати видов нежити даже по остаточному следу недельной давности.

— Ты когда-нибудь видел служителя Всевышнего, который добровольно отправляется к ведьме, причем не во главе разъяренной толпы фанатиков с факелами с целью предать окаянную очистительному огню, а просто за лекарством от кашля? Не удивлюсь, если окажется, что никакого жреца здесь нет, а сами сельчане дружно поклоняются какому-нибудь каменному идолу на древнем капище. Да и прислужница эта доверия не вызывает. Видел, какие у нее глаза? Как у кошки мартовской! А на шее — красные отметины, явно ухажером оставленные. Разве может такая при храме проживать? При кабаке — еще куда ни шло.

Алишер задумчиво оглядел закрытый храм. М-да. Ставни покосились, обиталище Всевышнего порядком обветшало, но вовсе не выглядело заброшенным. Видал он храмы и в худшем состоянии, где крыша держалась на честном слове, и то данном каким-то вруном, на чердаке гнездились совы, а на окнах, словно рваные занавески, висела пыльная паутина. Но отсутствие жреца, да еще по столь надуманной причине, немного напрягало. Слишком уж походило все на некий миф о диковинном чудовище, о котором слышало все местное население, а из приезжих не видел никто.

— Неисповедимы дела Всевышнего, — философски изрек Алишер и тронул вороного пятками, посылая вперед.

Конь за долгое время успел так привыкнуть к хозяину, что понимал его не только с полуслова, но и с полужеста. Породистое животное сделало несколько хлюпающих шагов по местной грязи, отличавшейся от болота только отсутствием трясины и мха (кто знает, может, топь и была, только пока ведьмакам не встретилась), и размашисто ударило подкованной передней ногой в заботливо закрытую селянкой дверь. Доски вздрогнули, но выдержали.

— Эй, вы!!! — возмутилась Марыська, но открывать дверь благоразумно не стала. Мало ли что могут учудить непонятные пришельцы. — Я сейчас кричать стану! Соседи быстро кобеля спустят.

— Пусть спускают, — обрадовался Алишер. — Его впрок и заготовим.

За дверью впали в нерешительность. Видно, собаки было жаль, а может, просто Марыська не сочла соседского кобеля продуктом, подходящим для снабжения ведьмаков в дорогу.

— И чё вы не угомонитесь, ироды? Чем к беззащитной девушке приставать, ехали бы своей дорогой, господа хорошие, — желчно предложила Марыська.

— Да мы бы с превеликим удовольствием, — хмыкнул Алишер, который действительно был не прочь убраться из странного села раньше, чем заразится местными странностями, а в том, что народ вокруг странный, он уверялся с каждой секундой, проведенной здесь. — Но, как оказалось, нам срочно нужно посетить вашу ведьму. Не будешь ли так любезна указать ее дом? Вероятно, он где-то на окраине села?

— Не-э-эт, — злорадно сообщила служанка. — Наша ведьма не в селе проживает, а в самом Безымянном лесу. А зачем она вам понадобилась?

— Да так, в гости зайдем, — неопределенно фыркнул Алишер, который, с одной стороны, вовсе не собирался отчитываться в своих действиях, а с другой — понял, что проводника нужно искать прямо сейчас, иначе до Безымянного леса за неделю не доберутся, а уж найти там жреца тем более не смогут.

— Эй-эй-эй! — Дверь неожиданно распахнулась, и на порог выскочила Марыська. — Даже не думайте!

— Это еще почему? — тут же заинтересовался Риттер, чей шрам настойчиво зачесался от дурного предчувствия.

— Она же ведьма... проклясть может. — Селянка сделала заковыристый знак пальцами и ткнула прямо в доверчивую морду вороного Алишера, заставив бывшего коня шарahnуться в сторону.

Впрочем, конь тут же выправился и клацнул с досады зубами в сторону зарвавшейся Марыськи, чем ничуть не впечатлил наглую девицу. Проживая по соседству с Безымянным лесом, она видывала зубы и покрупнее, не говоря уже о клыках.

— Не проклянет, — скептически фыркнул Миксам, чей большой опыт общения с ведьмами всех мастей со всех волостей говорил: самое большое, чем грозит встреча с этой братией, — аллергия на непомерное количество удивительно вонючих трав, которые сельские шарлатанки имеют обыкновение кидать в огонь для антуража. — Мы ее сами проклянем до седьмого колена.

Краски так быстро покинули лицо селянки, что Алишер искренне испугался за ее здоровье. Грохнется девица в обморок, кто тогда поведет их в Безымянный лес к местной ведьме? Эдак и впрямь придется жреца дожидаться на пороге его жилища, а потом еще и искать проводника. Чем же закончится встреча с местным служителем Всевышнего, спрогнозировать не мог никто. Скорее всего, станет сыпать проклятиями. Но попробовать все же стоило.

— Эй, ты чего? — осторожно поинтересовался Риттер, до дрожи в коленях не переносивший как женских слез, так и обмороков.

Но, к его удивлению, девица вовсе не думала малодушно забываться в благословенном беспамятстве, а шумно набрала в легкие воздуха, словно полковой горнист перед игрой сигнала атаки, и заорала благим матом:

— Люди добрые!!! Что же это делается?! Хулиганы единственной ведьмы лишают.

Такого удара по барабанным перепонкам ведьмаки не получали даже от баньши на пике ее физической формы.

— Стоп-стоп-стоп, — попытался образумить Алишер чересчур эмоциональную селянку.

Он не совсем понял, отчего такая реакция на, казалось бы, стандартный ответ. Обычно к ведьмам селяне относились не просто настороженно, а даже враждебно и часто норовили заглянуть к этим колдуньям в гости на огонек, при-

хватив с собой вилы и сам огонек, наверное, чтобы не быть хозяйке особенно в тягость. Поэтому если бросить невзначай в каком-нибудь кабачке фразу о том, что собираешься навестить шарлатанку, можно обеспечить стойкое внимание противоположного пола к своей персоне и уважительное перешептывание. А пообещав устроить зловредной ведьме пару незатейливых пакостей, ведьмак смело может рассчитывать на кружку пенного за счет заведения.

«Все-таки эти хренодерчане очень странные, — с тоской подумал Алишер. — Никогда не знаешь, что они выкинут в следующий момент».

Впоследствии Алишер жалел, что не повернул коней в этот момент. А ведь так просто было выехать за околицу, пустить лошадей галопом и умчаться не оглядываясь.

Сейчас дело спас Миксам. Альбинос спешил, тряхнул верещащую на все лады селянку как хорошая хозяйка — пыльный половик и резко рывкнул ей в лицо:

— А ну, прекратить панику!

Надо отдать должное ведьмаку, голос у него был поставлен. Случалось и медведям оторопеть от его рыка, а люди задавали такого знатного драпака, что только пятки сверкали да кусты трещали. Вот и сейчас даже привычные к подобным окрикам лошади вздрогнули и вытянулись во фронт, кося на Миксама лиловыми глазами. Местный кошак испытал такое потрясение, что чуть не упал с дерева, а Марыська удивленно икнула и... наконец-то заткнулась, обрушив на собравшихся благословенную тишину. Некоторое время все стояли как пыльным мешком пришибленные, оглушенные внезапным отсутствием звуков.

— Ну? И зачем надо было так орать? — строго поинтересовался Миксам у оторопевшей и безвольно обвисшей в его руках селянки.

Она потрясенно моргнула огромными как блюдца глазами, которые подозрительно быстро стали наливаться слезами.

— Так вы же того... ведьму нашу проклясть собрались, — пожаловалась она и шмыгнула носом.

— Надо же... я не оглох, — удивленно констатировал Риттер. — Селянка, а тебя реально волнует только самочувствие ведьмы? Она же — как там говорят жрецы? — зело зловредная особа, чьи козни и пакости изводят несчастных селян и постоянно грозят им засухой да падежом скота. Между прочим, она нас тоже проклясть может.

В последнее он не особо верил, ибо, по его мнению, ведьма, проживающая в глубинке, ни на что путное в принципе не способна. Если бы она могла хотя бы толком заговаривать погоду, давно перебралась бы куда-нибудь поближе к столице, где ее труд оплачивали бы не только огурцами и помидорами, но и звонкой монетой.

— Так ведь своя же, — жалобно всхлипнула она. — Родная. А вы народ пришлый, вас не жалко.

— Интересная логика, — вздернул породистую бровь Миксам, чьи предки хоть и не признавали родства, зато наградили ведьмака вполне аристократической внешностью. — Почему это нас не жаль?

— Потому, — отрезала селянка. — Чего вы приехали? Кто вас звал? Ехали бы себе дальше лесом.

— Вот туда нам как раз и надо, — мило усмехнулся Миксам и еще разок встряхнул девицу для особой доходчивости. — Ведьму вашу заодно навестим, жреца найдем — и прогуляемся. Говорят, для здоровья очень полезно.

— Согласен, — серьезно кивнул Алишер. — А ты нас проводишь. Ну и проследишь, чтобы мы ненароком не зашибли вашу лесную колдунью.

На том и порешили, хотя даже предположить, что прислуга при храме может удержать боевую тройку ведьмаков от притеснения кого-либо, было смешно. Марыська искренне прониклась важностью возложенной на нее миссии, накинула душегрею, чтобы не просквозило по-весеннему коварным ветром, и бодро пошлепала в сторону Безымянного леса. Ведьмаки отправились следом, придерживая коней, чтобы не опрокинуть ненароком целенаправленно мессившую грязь девицу, ну и не обгонять так неожиданно подвернувшегося проводника.

Лес встретил их особенным насупленным безмолвием. Казалось, что птицы мигрировали куда-то в более приветливые места и зверье откочевало туда же. Ветки шумели неодобрительно, словно пытались предостеречь чужаков от чего-то, но сказать ничего не могли. Ведьмаки насторожились как по команде. Осторожно проверили, легко ли выходят из ножен мечи, под рукой ли метательные ножи. Марыська же шлепала себе дальше, словно брела не по лесу, издревле славящемуся своими страшными и кровожадными обитателями, чья жестокость вошла в легенду, а вышла на прогулку на залитый солнцем лужок с овечками. И тем не менее Алишер предусмотрительно сделал знак спутникам, чтобы держали ухо остро, и сам зорко вглядывался в окружающие деревья, каждую секунду ожидая подвоха. Как оказалось впоследствии, чутье его не подвело, опасность действительно была, только не там, откуда он ожидал.

Селянка демонстрировала невиданную ведьмаками выносливость, до самого позднего вечера она бодро переставляла ноги без перерыва на обед. Даже глотка воды не сделала. Лошади под седоками выбились из сил и еле шевелили копытами, а проводник знай себе печатает шаг, да так ровно кладет, что хоть на парад на центральную площадь столицы Рансилъвании Шепатур выводи, на зависть королевским гвардейцам. Вот тут-то все заподозрили неладное. Миксам осторожно, чтобы не задеть деревья (тропинка в лесу была, но не настолько широкая, чтобы двое конных могли легко разъехаться), поравнялся с Алишером и вполголоса заметил:

— Командир, тебе не кажется, что нас водят кругами?

Алишер вздрогнул, уставился в спину селянки, осененный внезапной догадкой, тряхнул головой, пытаясь избавиться от морока, и внезапно все встало на свои места: ни одна девушка, будь она хоть трижды привычной к долгим пешим переходам, не сравнится с лошадей. Исключением из правил могли служить жрицы удаленных языческих храмов, о чьей выносливости слагались легенды. Но где эти храмы, а где Хренодерки...

— Эй! — крикнул он, нагоняя селянку, хлопнул ее по хрупкому на вид плечу и взвыл от боли в отбитой даже сквозь перчатку ладони.

То ли не рассчитал силы, то ли еще что, но удар получился знатный, однако селянка не просто на ногах устояла, но даже не покачнулась, хихикнула игриво и скрылась в кустах. Только что шла впереди, мелькая обутыми в лапти пятками, и пропала. Внезапно лес вызверился недоброжелательной темнотой. Создавалось стойкое впечатление, что из-за каждого куста за нежеланными гостями следит пара голодных фосфоресцирующих глаз. Даже луна на небо не изволила явиться, хотя до сей поры погода была ясная. По земле, словно живые, жадные щупальца, заструились плотные струи тумана.

— Забодай меня комар! — сквозь стиснутые зубы выдохнул Алишер. — Действительно завели. Но кто?

Миксам, чей привычный к боевым выездам конь сейчас отчего-то нервничал и пугливо прядал ушами, неопределенно пожал плечами, вытягивая клинок из-за спины:

— Леший, разумеется. Кто же еще станет так шутить?

Вопрос, может, и был бы риторическим, если бы не задавался в кругу ведьмаков, чье обучение сводилось не только к умению мечом махать. Большинство боевых ведьмаков может по памяти процитировать малый справочник нежити, проживающей в Рансильвании, в алфавитном порядке да еще дать краткое описание каждому виду. Присутствующие навскидку могли назвать не менее десятка видов нежити или нечисти, которые имеют обыкновение заводить свои жертвы туда, куда Макар телят не гонял. Цели при этом могли быть различные: от просто похихикать над недотепами из кустов до приготовления обеда или ужина (в зависимости от времени суток).

— Почему ты так решил? — тут же заинтересовался Риттер, чей хриплый голос гармонично звучал в напряженной обстановке. — Разве только леший способен на подобный финт?

— Не только, — не стал возражать Миксам. — Просто я явно чувю его магию.

— А раньше почуять не мог? — скептически фыркнул Риттер, потирая шрам, который как всегда начал противно зудеть от предчувствия опасности.

— Значит, не мог, — категорично отрезал Алишер, вырвав с корнем ростки противоречий в команде. — Давайте сначала выберемся отсюда, а уж потом будем разбираться, что к чему.

С командиром спорить было не принято. Все дружно начали таращиться в туманные сумерки, сияясь разглядеть нападающих, если таковые имеются. А что хищники где-то неподалеку, каким-то особенным шестым чувством ощущали все.

— О! Леший! Сейчас я его прищучу! — воскликнул Миксам, узрев нечто светлое, мелькнувшее во тьме, и ринулся куда-то в опасную темноту кустов, ломая ветки грудью хряпящего от ужаса коня.

— Куда?! — метнулся было Алишер следом, но туман сыто сомкнулся за спиной спутника, и, как ни шарили они с Риттером вокруг, как ни окликали альбиноса по имени, следов последнего не обнаружили.

Только выскользнула откуда-то из травы колючая ежиха, оценила мужчин взглядом блестящих глаз-бусинок, презрительно фыркнула да утопала по своим ежиным делам.

— Черт побери этот Безымянный лес! — в сердцах воскликнул командир, и в глазах его блеснула предательская влага. — Каких людей теряем!

Риттер сунулся было искать дальше, но Алишер решительно одернул товарища. Решение далось ему нелегко, но он четко понимал: останутся — погибнут все.

— Отступаем, — устало молвил он. — Сейчас мы ему ничем не поможем. Завтра продолжим поиски.

Риттер посмотрел на командира так, что лучше бы ударил, зло качнулась в его ухе серебряная серьга с миниатюрным изображением топора, но послушаться он не посмел. Назад возвращались вроде бы той же дорогой, но поче-

му-то она оказалась настолько непроходима, что конному ее не одолеть. Спешились и повели коней в поводу. Во тьме что-то интригующе шуршало, чавкало, рычало, тьякало, злобно клацало зубами и блестело глазами, но пока не напало. И то плюс.

Наступил рассвет, и Алишер с удивлением обнаружил, что рядом с ним никто не идет, в руках он крепко стискивает пучок какой-то сомнительной травы, а ни лошадей, ни товарища и в помине нет. Он сделал попытку пройти по собственным следам до того места, где их с Риттером следы разошлись в разные стороны, но безрезультатно. Судя по отпечаткам, с ним рядом шаг в шаг ходили попеременно то кабан, то медведь, то волк, даже пара опоссумов откуда-то приبلудилась.

Сколько он так бродил в поисках товарищей, прежде чем окончательно выбился из сил и устало прислонился спиной к стволу старого дуба, Алишер не знал. Сутки? Двое? Трое? Неделю? Хотя неделю вряд ли. Умер бы от жажды, ведь все припасы остались в седельных сумках вороного. Он тяжело вздохнул. Как ведьмак Алишер отчетливо понимал, что смерть в собственной постели от старости ему точно не грозит. Но погибать так глупо, банально заблудившись и потеряв товарищей и лошадей в каком-то лесу, пусть он хоть трижды Безымянный, было обидно до кончиков волос. Нет, он еще не готов был сдаться, но отчаяние когтистой кошачьей лапой уже скреблось где-то в глубине души.

— Эй, — неожиданно позвал мелодичный женский голос практически у самого уха, заставив ведьмака удивленно подпрыгнуть на месте и пораженно уставиться на светловолосую незнакомку, умудрившуюся обмануть отточенные многочисленными тренировками инстинкты. — Эй, ты чего? Тебе плохо, да?

Участливые серые глаза с притаившимися в глубине зелеными искорками заглянули, казалось, в самую душу.

— Нет, — потрясенно выдохнул ведьмак. — Мне просто очень паршиво.

ГЛАВА 1

Светлолика проснулась рано утром, когда солнце только показало свой пламенеющий диск из-за горизонта, добавив небу сиятельного багрянца. Птички радостно пели, приветствуя новый погожий день, природа умылась прохладной росой и застыла в ожидании теплых ласковых лучей, что уже грели почти по-летнему, но пока не грозили палящим зноем или засухой.

Ведьма с чувством потянулась, удовлетворенно отметила, как кровь быстрее побежала по жилам, и пришла к выводу, что иногда проживание в лесу имеет свои плюсы. Вяз Дубрович (местный леший) обещал закрыть Безымянный от неожиданно нагрянувших в Хренодерки ведьмаков. С одной стороны, это нарушало планы по возведению хозпостроек, давно обещанных головой Хренодерок и уже даже начатых, а с другой — обещало ведьме некоторый отдых от чаяний неумных селян. В последнее время хренодерчане чудили не по-детски. Сначала приняли Светлолику за умершую и похоронили заживо, хорошо хоть сбежавший из тюрьмы на острове Беримор вампир решил, что создал из местной ведьмы упырицу, и раскопал ее могилу, дабы милостиво принять Лику в услужение. Правда, вместо благодарности за спасение получил удар лопатой, но Светлолика ничуть не раскаивалась в содеянном. Нечего было кусаться. Ведь если бы проклятый кровосос не покусал ее, практически обескровив, селяне не приняли бы ее бездыханное, бледное тело за труп.

Затем хренодерчане чуть не сожгли ее избу, решив, что говорящий кот — это нечисть, поселившаяся в лесном доме

после смерти хозяйки. Понятное дело, котов говорящих окрест Хренодерок отродясь не водилось, но это не повод жечь чужие дома в отсутствие их хозяев. Хотя, если хорошенько подумать, то и в присутствии хозяев жечь все же не стоит.

Домовой Евстах (недавно поселившийся у Светлолики с легкой руки местного вождя двуипостасных) уже давно был на ногах и успел многое. Коза была подоена, вычищена, напоена и отправлена на лужок поедать сочную весеннюю травку. Пол маленький бородатый мужичок с острыми ушками старательно вымел, вымыл и даже ножом выскоблил, отчего в избе поселился приятный древесный дух. Печь Евстах тоже растопил, напек сырников да сварил густого бульону для расхворавшегося жреца, беспокожно спящего на лавке в углу.

Черный пушистый кот Дорофей Тимофеевич с особой кошачьей негой развалился на подоконнике распахнутого настежь окна и попеременно любовался то на суету домового, то на лесной пейзаж. Со стороны могло показаться, будто кот всерьез собрался написать картину и теперь не знает, какую именно сцену следует запечатлеть. По всему выходило, что козу писать лучше. Она и солнцем хорошо освещена, и вообще... Симпатичная и молоко вкусное дает. Характер, правда, вредный, но кто без изъяна?

Приманенная аппетитным запахом горячих сырников, Светлолика быстро натянула домотканое платье поверх льняной сорочки, подпоясалась затейливо плетеным поясом из цветастых нитей, собрала волосы в две косы и покинула спальню.

— Здравствуй, государыня ведьма, — тепло поприветствовал ее Евстах и поклонился так, что чуть лбом об пол не приложился. — Как спалось-почивалось? А я вот тут... хозяйничаю.

«Вот обязательно ему нужно своей хозяйственностью в лицо ткнуть, — недовольно фыркнул про себя Дорофей, свысока окидывая домового презрительным взглядом голубых глаз. — Гляди как некоторые могут себя преподне-

сти... Вроде бы ничего особенного не делал, а кругом молодец выходит. Аж противно!»

Кот нервно дернул хвостом, лениво спрыгнул с подоконника и потерялся о ноги хозяйки с таким видом, будто просто шел мимо и заметил ее только что.

— А жрец всю ночь бредил, — наябедничал он.

Аппетит у Светлолики сразу пропал. Разумеется, Дорофей Тимофеевич рассчитывал на несколько иной эффект, но, как говорится, на что не пойдешь, лишь бы привлечь к себе внимание хозяйки. Ну или хотя бы отвлечь его от другого домочадца.

А у жреца действительно поднялся жар. Старческий лоб покраснел и покрылся испариной, мокрые седые волосы обвисли безжизненными прядями, из груди доносились подозрительные хрипы.

— Не вовремя-то как, — с досадой вздохнула молодая ведьма.

Болезнь — она всегда не вовремя. Просто сейчас, когда после двух магических ритуалов подряд Светлолика осталась практически без сил, лечить Гонория оставалось только народными средствами, которые у нее, разумеется, имелись. Только здесь было одно «но»... Жрец слишком стар, и внутренних сил на борьбу с болезнью ему не хватит. Этот печальный факт виден было даже невооруженным взглядом. Для успешного выздоровления нужно добавить нечто извне, и это нечто непременно должно иметь магическую составляющую, чтобы поддержать угасающий организм. Только где же ее взять?

Как всегда в минуты сильного волнения, решение пришло к Светлолике внезапно, словно озарение свыше.

— Дорофей Тимофеевич, тут без твоей помощи не обойтись, — констатировала она, внимательно осмотрев пациента.

Кот хоть и обратил внимание хозяйки на плохое состояние Гонория, от своего предполагаемого участия в его лечении в восторг не пришел и от радости не запрыгал. В первую очередь от того, что испытывал к жрецу острую

личную неприязнь. Пусть Гонорий в свое время изловил Дорофея в соседних Репицах и передал Светлолице, которая как раз пыталась заполучить на постоянное место жительства черного кота, это все равно ничего не меняло. Черных котов вообще редко кто жаловал. Жрецы же обычно считали их исчадием ада, ниспосланным на землю для того, чтобы своими пакостями губить несчастные людские души и вводить паству в грех сквернословия и суеверия. Сам Дорофей Тимофеевич никогда не понимал, отчего соседская Мурка может спокойно перейти улицу и ей это сходит с лап, а он должен нестись галопом, молясь, чтобы брошенный вслед предмет на этот раз пролетел мимо. И чем в него только не кидали, от камня до лаптя. Перечислять устанешь. При этом нецензурно поминали его мать, которая, к слову, обладала трехцветным окрасом. Это отец с цветом шерсти подсурил.

«И отчего всегда такая реакция? — недоумевал кот. — Плохая примета? Что с того? Баба с пустыми ведрами — примета не лучше, но, если бы каждую селянку били за любой поход к колодцу, все вечно сидели бы без воды и еды (при варке щей да каши вода тоже предмет первой необходимости), женщины щеголяли бы синяками разной степени лиловости, а мужики каждую ночь проводили бы на сеновале».

Но мнения кота никто не спрашивал. Исправно ругались, костерили на чем свет стоит, бросали всем, что под руку подвернется, и троекратно плевали через левое плечо, получая кулаком прямо в глаз, если сзади как раз кто-то шел. В этом случае дурная примета сбывалась сразу на месте.

К тому же кот был по природе своей ленив, и перспектива принимать участие в исцелении больных его вовсе не радовала.

— Для тебя я готов на все, — высокопарно заявил Дорофей Тимофеевич и даже поднялся на задние лапы, чтобы изобразить элегантный поклон. Получилось плохо. Сказывалось отсутствие тренировок и светского воспитания. — Только я всего лишь кот. Что я могу? А вот наш домово-о-ой — на все руки мастер.

В отличие от кота, Евстах переводить стрелки не стал, вытянулся в струнку и замер, готовый на любые трудовые свершения. Глядя на трогательно застывшего Евстаха, Светлолика умилилась. Надо же, какой маленький, а готов работать двадцать четыре часа в сутки фактически за спасибо. Просто мечта большинства домохозяек. Мысленно ведьма поставила галочку «надо вырастить хрен». Евстах давно просил. Все рвется гнать хреновую самогонку. Говорят, уникальный по целебным свойствам продукт. Интересно, если на ней травки настаивать, лечебный эффект усилится?

— К сожалению, Евстах мне тут не подмога, — тяжело вздохнула она. — Здесь кот надобен. Вы, коты, хорошо болезни ощущаете и исцелению помогаете. Да ты, наверное, и сам об этом знаешь. Поэтому вот тебе наказ — поддерживай его святейшество, пока я до лешего сбегая за грибами.

— За какими грибами? — тут же заинтересовался домашней, мысленно нарисовавший огромный пирог с грибной начинкой.

Он уже практически ощущал, как руками мнет тесто и как пахнет хорошо поджаренная корочка.

— Лечебными. Их нужно свежими собирать. В них тогда вся сила сохраняется.

— Какие грибы могут быть в эту пору? — скептически фыркнул Дорофей, осматривая старика уже другими глазами.

Раньше он смотрел на Гонория и видел просто больного человека. Теперь же перед кошачьим взором вставали цветные тонкие поля человеческой ауры. Удивительно нежный, голубой, искрящийся цвет энергетического поля жреца поразил пушистого зверя до глубины души. Невольно захотелось дотронуться, поводить когтистой лапой в надежде, что хотя бы часть этого великолепия притянется и побудет пусть временным, но украшением. Голубой цвет энергетики пожирала красновато-черные пятна болезни. Энергия болезни медленно, но верно отвоевывала позиции, накрывая старика в беспокойном забытьи чем-то вроде

грязного савана. Дорофей тяжело вздохнул. Одному ему такое явно не исправить.

— Леший знает где, — уверенно изрекла Светлолика и отправилась искать корзину в кладовку, где ее ждал сюрприз.

Евстах разобрал-таки в кладовой, расположил по стенам полки, рассортировал все, разложил вещи, травы в пучках развесил стройными рядами на веревках, натянутых под потолком. Такого порядка в кладовке отродясь не бывало.

Рассчитывавшая нырнуть в гору разнообразных вещей, с чувством покопаться в них, беспорядочно затолкать все обратно и подпереть дверь комодом, если она, как бывало не раз, не закроется, ведьма растерялась. В наведенном порядке глаза разбегались, обнаруживая кучу давно потерянных вещей. Нарушать наведенную домовым эстетику казалось чем-то сродни святотатству.

— И как же я тут чего-нибудь найду? — с тоской во взоре вздохнула она.

— Во-о-от, — злорадно фыркнул кот. — Видишь, какой от него вред.

Евстах смущенно шмыгнул носом. Вовсе не на такой эффект он рассчитывал.

— А чего потеряла-то? Может, я помочь чем смогу? — осторожно, чтобы не усугублять и без того пошатнувшееся положение, уточнил домовый и с надеждой заглянул снизу в глаза затосковавшей хозяйки.

— А ты уже помог, — саркастически заметил Дорофей. — Вон в родной кладовке ничего не найти теперь.

— Как будто в этом бардаке чего-нибудь найти было можно?! Да в подобной свалке ни одна ищейка не разберется! — не выдержал незаслуженных подначек кота Евстах и даже попытался подбоchenиться, но тут же неловко осекся и сбавил тон: — В смысле госпожа ведьма, конечно, нашла бы, что захочет, но ведь теперь я подсказать могу.

— Найди-ка мне, друг мой, большую корзину. Раз уж ты так до подсказок охоч, — попросила Светлолика, перестав изображать памятник собственному потрясению. — А ты,

Дорофей Тимофеевич, чем других критиковать, лучше бы сам делом занялся.

Кот надулся и стал похож на лохматый шар с глазами.

— Ну и пойду, — раздраженно фыркнул он. — Разведут дармоедов, а я вечно крайним оказываюсь, — недовольно зашипел Дорофей под нос так «тихо», что глухой расслышит, не прислушиваясь.

Светлолика, впрочем, внимания на недовольство кота не обратила. Пришлось ему, неоцененному и непонятому, приниматься за лечение жреца. Кот глубоко, с надрывом вздохнул, осознавая всю тяжесть кошачьего бытия и постоянное угнетение более сильными окружающими, и осторожно, плавно перетек на старческое тело Гонория. Улегся прямо поверх одеяла, распластался, растекся, как некая бескостная меховая полость с подогревом, завибрировал, мурлыча. Когти Дорофея Тимофеевича принялись мерно царапать одеяло, осторожно, по капельке выманивая болезнь из измученного стариковского организма. Жрец затих. Перестал метаться и как будто посветлел ликом. То ли тепло ему стало под своеобразной грелкой, то ли кошачьи манипуляции и впрямь помогали.

Евстах быстро отыскал корзину. Да не одну, а целых три штуки на выбор и с гордостью, словно сплел каждую собственноручно, предъявил их ведьме. Светлолика бегло осмотрела предложенный ассортимент и забраковала пару как ненужные. Одну — потому что слишком уж большая, грибы в такую неделю собирать будешь. Другую местами погрызла мышка. Третья же оказалась в самый раз. Достаточно вместительная и при этом вполне легкая, с удобной ручкой и при ходьбе не мешает.

— Ну, я пошла, — известила Светлолика домашних и сделала было шаг за порог, как Евстах намертво вцепился в юбку домотканого платья.

— Куда же ты?! — заголосил он, словно не в лес она к лешему собралась, а на войну с сопредельным государством, причем воевать собирается своими силами и в гордом оди-

ночестве. — Не позавтракав, чаю не попив, и душегрею не надела. Простудишься ведь.

Здравое зерно в панике домового было. Простудиться на по-весеннему коварном ветерке можно было запросто.

— Душегрею давай. А завтракать некогда — время дорого, — строго оповестила ведьма Евстаха, чтобы не зарывался.

Забота всегда приятна. Оно, конечно, и кошка заурчит, когда ее погладят ласково и о ее будущем побеспокоятся, только о субординации тоже забывать не следует, а то, не ровен час, на голову сядут, ножки свесят и помыкать начнут.

Домовой вовсе не обиделся. Характер у него вообще был легкий, услужливый. Такие качества в домовых с младенчества пестуются, чтобы с людьми хорошо уживались. Он заметался как перепуганная белка и за несколько секунд отыскал красивую стеганую душегрею, которую, к слову, Светлолика тщетно искала пару лет, собрал в узелок сырники, налил в старую походную фляжку компота из сушеных груш, яблок и шиповника. Провиант и одежду торжественно вручил девушке, заслужив с кровати от Дорофея презрительное сквозь зубы: «Подхалим!»

— И лапти надень, — посоветовал Евстах.

— Зачем? — удивленно уставилась на собственные ботинки Светлолика, искренне не понимая, чем ее обувь так плоха, что домовому не угодила.

— А в лаптях по лесу ходить удобнее. Сейчас в лесу сухо, давешний дождь уже в землю впитался, а лапоть с корнями, из земли выпирающими, сцепление хорошее имеет и ногу бережет, — со знанием дела заявил домовый.

Ведьма поняла, что, если начнет спорить, дольше провозится, и переобулась. В лес она вышла в лаптях, в душегрее и с корзиной наперевес, готовая к любым опасностям. К лешему путь был не близкий, но хорошо знакомый, и Светлолика решительно шагала, не особо оглядываясь по сторонам. Ноги сами несли ее по привычной дороге.

За старой заброшенной мельницей, в омуте под развалившимся колесом проживало некое неизвестное чудище, о котором многие слышали, но никто в глаза не видел, по крайней мере полностью. Иногда откуда-то из темно-зеленых, мутных глубин выныривали розовые, словно пятка младенца, щупальца и долго шарили по берегу. Светлолика часто оставляла многоному несколько сухарей. Чудище осторожно ощупывало подношение и утаскивало его под воду, откуда вскоре доносился смачный хруст. На сей раз ведьма оставила на берегу сырник, хотя и не была уверена, что еда обитателю омута понравится, а переводить пищу зря она не была приучена, но тихий всплеск и последовавшее за ним довольное чавканье развеяли ее сомнения.

Чуть дальше, когда уже близко было болото, по которому, не зная переменной тропы, через коварную трясику пройти могли только пьяные и то не всегда, через раз тонули (несчастных пьянчуг из крепких объятий болота извлекал Вяз Дубрович собственноручно и выдворял за границы топи, чтобы не портили экологию своими проспиртованными телами), показалась небольшая поляна с кряжистым деревом. Место довольно приметное, но до дома Вяза Дубровича было еще далеко. Сам леший проживал в чаше леса, на краю болота, вырастив большой раскидистый дуб под свое жильё. Тот дуб (не чета увиденному сейчас Светлоликой) возвышался лесным великаном, имел ствол толщиной с хорошую, просторную избу и несколько полостей-комнат. Окнами служили круглые дупла, закрывавшиеся ставнями из плетеной травы, утепленной мхом. Дверью был просвет между могучими корнями, загороженный толстой корой. Внутри было прохладно летом и тепло зимой. Живой ковер из короткой травы дарил отдохновение ногам и глазу. Плющ с резными листьями всех оттенков зеленого спускался по стенам и свисал с дверных проемов между комнатами как своеобразный занавес.

К этому же дереву устало, словно всю ночь провел в трудах праведных, привалился спиной высокий русоволосый мужчина в куртке с серебряными шипами, тяжелых сапо-

гах, отделанных шипами же по голенищу. В другое время Светлолика глянула бы мельком да мимо прошла. Мужчина явно не местный (такой дорогой одежды здесь никто не носил), значит, здороваться не обязательно. А что стоит здесь и глаза закрыл — так отдыхает человек. Чего ж ему мешать и в его мысли со своими надоедливими вопросами влезать? Стоит себе, и пусть стоит. Стороной обойти — и все.

Ведьма так и поступила бы. Она уже сделала шаг, чтобы тихонько миновать поляну по самому ее краю и остаться незамеченной, но стоило Светлолике лишь раз взглянуть на усталый профиль, как она его узнала. Нет, раньше она этого мужчину никогда не видела, по крайней мере наяву. Они никогда не встречались, и тем не менее чувство узнавания пронзило как молния, до какого-то болезненного озарения, до крови на губах. Она знала, что, если мужчина откроет глаза, они окажутся светло-карими, и что когда он не собирает волосы в хвост, то стягивает их налобной повязкой из кожи с нашитыми на нее амулетами.

С того знаменательного момента, когда Светлолика познакомилась с волчьим тотемом, ей стала часто сниться ее мама, рыжая Льесса, которая вернулась в свою родную деревню, где проживал их клан меняющих облик. И сейчас перед ее внутренним взором встал один из снов.

Мать Медведица (шаманка клана меняющих облик), у которых больше всех обликов в клане, и потому ее душа считается самой совершенной, часто рассказывала молодняку страшилки о том, как опасны для народов, обладающих особенной магией, ведьмаки. Меняющие облик были одним из таких народов, потому предпочитали селиться в самых дальних уголках Рансильвании в надежде, что о них либо забудут, либо полентясь забираться в подобную глушь. Рыжая Льесса, будучи еще маленькой девочкой с одним-единственным обликом, слушала рассказы шаманки, буквально раскрыв рот, и неизменно старалась залезть на колени к старой женщине. Но все рассказы, все страшилки не стали значить ровным счетом ничего, когда об-

ретшая новый облик лисички Льесса возвращалась в село с тушкой убитой ею утки, и с неба упал сокол, прошептав потрясенной, перепуганной лисичке: «Беги!»

И она помчалась прочь от гари, страшных запахов пожара, потускневших мертвых глаз окровавленного сокола. Забежала так далеко, насколько смогла. Некоторое время Льесса пряталась, не рискуя высунуть из убежища даже кончик собственного носа, пока голод и жажда не поставили ее перед отчаянным выбором: умри либо выходи на свой страх и риск. Ослабевшая, на трясущихся лапах она выползла на свет божий и отправилась на поиски воды и еды...

И все-таки, несмотря на ужас, который охватывал ее каждый раз при воспоминании о том, как с неба упал сокол, Льесса не могла не думать об оставленном селении. Вся ее душа, теплящаяся в лисьем теле, рвалась туда, чтобы хоть одним глазком посмотреть, что же там все-таки произошло. Может, еще и выжил кто-то, может, давно вернулись односельчане на остывшее пепелище и матушка плачет, представляя ее безвременно покинувшей этот мир.

Она решила. Осторожно, заросшими тропами, где не всякая мышь сумеет пробраться, прокралась до окраины родного села и остановилась. Замерла, как статуя маленькому зверенышу, почуяв, какой жутью повеяло со стороны когда-то уютного жилья. Только теперь Льесса заметила, что ни одна птица не пролетела рядом, ни одним животным не пахнет в округе, тянет смертью, страшной магией и гарью. Даже падальщик не соблазнился поживой, не копался в руинах в поисках останков. И тут какой-то посторонний звук привлек внимание растерянной лисички. Она резко обернулась и судорожно втянула тошнотворный воздух открытой пастью. Ведьмак.

Это был именно он. Сомнений не было. Высокий, в кожаной куртке с серебряными шипами, которые служили не только украшением, но и, судя по окружавшей их ауре магии, защитой. Сапоги тяжелые, тоже отделанные по голенищу шипами. В таких далеко идти сложно, зато удар ноги в подобной обуви способен сломать челюсть если не медве-

дю, то волку точно. Русые волосы мужчины спускались ниже плеч и были стянуты кожаным шнурком с нашитыми магическими амулетами. Светло-карие глаза смотрели спокойно, даже с некоторой долей усталости, будто их обладателю было, в сущности, все равно, что сделать с застигнутой на открытой местности маленькой меняющей облик. Он прекрасно знал — сбежать лисичка не сможет и не успеет. Мощный жеребец вороной масти методично звякал железом удил, словно всерьез думал, что конские зубы способны перегрызть внушительной толщины трензель. Такая зверюга в несколько прыжков догонит беглянку и даже не вспотеет, а всадник рубанет острой сталью меча прямо с седла, жестоко прерывая короткую жизнь Льессы.

«Ну и пусть! — упрямо толкнулась в голове мысль. — Пусть догоняет, пусть рубит сплеча. Пусть... Я встречу с родными не в этом пропахшем страхом и жутью месте, а на вечнозеленых небесных лугах, где всех меняющих облик давно поджидают предки. Там отменная охота, прекрасный урожай и вообще все хорошо».

Звук металла о ножны прозвучал для нее неотвратимо, как злой рок. Если еще была надежда, что меняющую облик примут за обычную лису, то теперь она развеялась. Оставалось только заворуженно и обреченно смотреть расширенными от ужаса глазами, как к ней с неумолимостью раннего заката приближается сверкающая полоска стали. И нет сил выдержать зрелище до конца, как нет сил собрать волю в кулак и попытаться сделать последний, вытягивающий жилы рывок к спасительному лесу в надежде, что родные деревья скроют от преследователя. Хотя какая тут может быть надежда? Деревню же не скрыли. Не защитили от страшных чужаков, не охранили от пламени пожара, не разверзлась земля под мерными ударами бубна шаманки, чтобы принять в свои объятия и раздавить жестоких убийц. Льесса крепко зажмурилась в ожидании удара, но он все не следовал. Маленькое сердечко испуганной птичкой билось в грудной клетке, словно мечтало выскочить и улететь на волю. Она все ждала... ждала... не надеясь на чудесное спа-

сение. И в самом деле, почему ее должны помиловать, если вся деревня не просто погибла, а уничтожена под самый корень, выжжена, стерта с лица земли, да так, что на этом месте веками трава расти не будет. Станет когда-то теплая земля раной на теле леса: и не зарастет никак, и не закроется. Со временем облюбует место нежить, и поползут новые слухи о рассаднике.

— Уходи. — Голос ведьмака прозвучал хрипло и как-то устало, будто одно-единственное слово стоило ему невероятных усилий.

Льесса, не веря своим ушам, распахнула глаза и удивленно уставилась на злобное порождение экспериментов магов, что существовало на просторах Рансильвании только благодаря неизвестной, непонятной маленькой меняющей облик трансформации. Ведьмак, которым пугала Мать Медведица детей у костра, ее отпускает?

— Уходи, — повторил он, и на его лице отразилась твердая решимость.

Меч с тихим шорохом скользнул в ножны. Лисичка проводила закаленную сталь потрясенным взглядом, не веря в свою удачу.

— Ну! — прикрикнул на ошалевшую от щедрого предложения меняющую облик ведьмак. — Мне передумать или гнать тебя пинками прочь? Не заставляй меня жалеть о своем решении.

Все еще лежа на пузе, Льесса попятилась. Обдирая пушистый живот о мелкие камни, она медленно, опасаясь получить удар меча, поползла в сторону спасительного леса и вздрогнула, когда чей-то голос крикнул:

— Алишер! Алишер! Ну, что там?!

— Ничего! Показалось! — ответил ведьмак, и drobный топот копыт возвестил о его отъезде.

Светлолика моргнула. Картины прошлого из сна пронеслись перед глазами как живые, потому она просто не могла пройти мимо, не спросив, не нуждается ли ведьмак в помощи.

— Эй! — осторожно позвала она светловолосого, не решаясь дотронуться рукой. Даже простой человек от неожиданности может по уху съездить, а уж ведьмак вообще неизвестно что отчебучит. — Эй, ты чего? Тебе плохо, да?

— Нет, — потрясенно выдохнул он. — Мне просто очень паршиво.

Светлолика удивленно моргнула.

— А то, что ты стоишь на муравейнике, имеет отношение к плохому самочувствию? — прежде чем начинать диагностику предполагаемого пациента, уточнила она.

— Что?! — вытаращился Алишер, только сейчас внезапно осознавший, что мурашки по его коже бегут отнюдь не в фигуральном, а в буквальном смысле.

Усталость сразу как рукой сняло. Ведьмак выдал зажигательную смесь танца самца трясогузки в брачный период и пляски жреца дикого племени людоедов, от вида которой любой шаман бросит бубен и возрыдает, осознав полную профнепригодность. А еще Алишер при всем разнообразии физических упражнений умудрился выразить свое глубокое недовольство насекомыми Безымянного леса вообще и каждого его обитателя в частности с такими заковыристыми оборотами речи, что тролли (а они большие охальники) с удовольствием записали бы многие в свой словарь особо крепких выражений.

Светлолика задумчиво выслушала вдохновенный монолог и почти не поняла, о чем велась речь. Некоторые фразы ее сильно заинтриговали, так как даже с очень богатым воображением осуществить иные действия и позы было нереально.

Когда ведьмак закончил свою невольную просветительскую работу среди рядов местных ведьм в лице единственного представителя, с дуба свесился вампир, который как во время всего прочувствованного монолога, так и до этого спокойно дремал себе на ветвях старого дерева, внутренне надеясь, что рассеянные лучи весеннего солнца если не заменят практически полное отсутствие еды, то хотя бы согреют.